

«Хайль Гитлер... на том берегу!» — прокричал в микрофон солист группы «Алиса» Константин Кинчев. Часть зала застыла в недоумении: уж не ослышались ли? Другая часть — перед эстрадой — казалось, ничего не заметила и продолжала раскачиваться из стороны в сторону. В такт музыке.

Вечером 17 ноября Дворец спорта «Юбилейный» призывно сверкая огнями. На его просторной арене начинала выступление группа «Алиса». А здесь, на улице, вокруг здания выстроились милиционеры. Чуть поодаль стояла толпа подростков, которым билетов на концерт не досталось. Вдруг в милиционеров полетели куски льда, комья снега. В толпе раздались призывы к штурму.

— Кинчева оскорбили! — выкрикнул ребенок в длинном белом шарфе и тут же скрылся за спинами ребят.

— Повторяется вчерашняя история, — вздохнул заместитель начальника Управления охраны общественного порядка ГУВД полковник милиции П. П. Резинкин.

И Павел Панкратевич, прерываясь на ходу, чтобы внести коррективы в действия сотрудников, рассказал: вчера на этом же месте собралось около тысячи подростков. При попытке прорваться в «Юбилейный» они кричали:

— Ломай двери! Бей стекла!

— Ну подождите! Завтра устроим!

Двум милиционерским машинам хулиганы разбили зеркала, раскорежили несколько электромегафонов.

Прав был полковник. Сегодня ситуация повторилась. Глядя на ребят, я думал: «Своего рода фанаты. А по сути, хулиганы...».

Тогда я еще не знал, что дурной пример поклонникам подал как раз один из тех самых кумиров — Константин Евгеньевич Панфилов, выступавший на эстраде под именем Кинчева. Он приехал на концерт вместе с женой. И пока сотрудники милиции, не знавшие, как поступить — откуда они могли знать семейную чуточку в лицо? — советовались с начальством (кстати, полковник Резинкин сразу же распорядился пропустить обоих), Кинчев «решил вопрос» по-своему. Кулаками. Но это я узнал спустя несколько часов, читая ворох рапортов в дежурной части Петроградского РУВД:

«...солист группы «Алиса» Кинчев Константин при прохождении во Дворец спорта ударил меня по лицу и старшего сержанта милиции Финодеева, также выражался нецензурной бранью... Его действия привели к шуму молодых людей...

Старший сержант милиции
Дорошенко
Александр Сергеевич.

«Кинчев К. обращался с криками к гражданам, которые находились вокруг, тем самым вызвав массовые беспорядки. Во избежание дальнейших инцидентов Кинчев К. не был задержан».

Оперуполномоченный
ОБХСС Петроградского
РУВД, старший лейтенант
милиции

СМИРНОВ А. Д.

То же самое написали другие сотрудники милиции и бойцы ОКОД, на долю которых в этот вечер выпало немало работы.

...Первое, что бросилось в

мадывалась раскрасневшаяся девушка. — Как зовут? Старикова Алиса Феликсовна. Работаю инспектором в ЛЭТИ. Член ВЛКСМ. Меня парень обматерил. Я пошла за ним разобратись. Я толкалась? Ругалась? Не надо лажать!

— Как вы можете так говорить? — отозвалась сидевшая напротив женщина. Она пришла в пикет вместе с мужем и сыном, чтобы письменно изложить свое мнение об «Алисе».

— А что? Я — сволочь. Так и запишите. И вообще. Ваше

Тут же «качал права» фотограф группы «Алиса» Валерий Потапов. В ответ на замечания пожилой работницы «Юбилейного» он грубо толкнул ее. Теперь кричал:

— Мне мешали работать! Что это такое!

— Вы не правы, — возразил оперотрядовец.

— Вас я вообще не знаю и знать не хочу!

В пикет вошел Александр Беркман, инженер объединения «Красногвардеец». Знал я его давно — не первый год в ОКОДе. Было время — дежурили вместе во Дворце мо-

ние аккорды. Молодежь потянулась на выход.

Прохожу в служебные помещения. Вижу — один Павел Панкратевич:

— Понимаешь, сбежали! Все сбежали! Отыграли — и дали тягу...

Оставалось воспользоваться рапортами бойцов ОКОД начальнику Петроградского РУВД полковнику милиции В. Ф. Екименкову:

«...в 21 час 15 минут на концерте группы «Алиса» в ДС «Юбилейный» солист группы объявил следующую песню таким образом: «Песня посвящается иностранцам, которые присутствуют на этом концерте, «ментам» и прочим гадам». Первые слова песни звучали следующим образом: «Хайль Гитлер... на том берегу...», что является открытой пропагандой неонацизма и оскорблением сотрудников милиции».

Это рапорт оперотрядовца А. Масленникова. Аналогичные по содержанию написали члены ОКОД Д. Марченко, В. Москвин, Е. Бекетов, С. Данилов, А. Беркман.

Я спрашивал многих выходящих на улицу ребят:

— Понравилось?

— В общем, да. Правда, лаянули что-то про Гитлера.

...В дежурной части Петроградского РУВД долго не могли успокоиться милиционеры, обсуждая перипетии вечера. Передо мной лежала груда бумаг.

Стало очень жаль, что их не видел Кинчев. Не берусь судить его музыкальные достоинства и способности, для этого есть специалисты. Да и молодым не случайно, наверное, импонирует его группа. Но о гражданской позиции Константина поговорить стоит.

У «Алисы» есть песни, в которых поется о вещах самых серьезных, есть глубокие образы, точные слова. И когда весь зал поет вместе с «Алисой»: «Нет — войне», или поет «Мое поколение», «Время меняет имена», «Воздух», «Красное на черном», то трудно не поверить в талант 28-летнего Константина Кинчева. Но от концерта к концерту крепнет в нем ощущение вседозволенности, нацеленности на скандал, о чем ему не раз говорили его коллеги по рок-клубу. Но, видимо, у «Алисы» свои представления о том, как вести себя на концерте...

В нашей стране есть непоколебимые святыни, надругаться над которыми не дозволено никому. Одна из них — память о войне. И этим все сказано, Кинчев.

В. КОКОСОВ

«алиса» с косой челкой

глаза на арене, — сматые, взороченные металлические ограждения, отделявшие помост с музыкантами от зала. Вскинув вверх руки, раскачиваясь в такт музыке и аплодируя, толпа человек в пятьсот разноцветной волной перекачивалась перед эстрадой из стороны в сторону. Наиболее ретивые поклонники рвали к «звездам», грубо отталкивая милиционеров.

Крики тонули в оглушающих звуках музыки. Сквозь грохот пробивался лишь голос Кинчева и хлопки рук.

— Ужас. Германия 1939 года, — вцепилась обеими руками в кресло сидевшая у прохода женщина.

Я пытался ей возразить. Но голос потонул в море электронного рева. В конце концов у каждого свои увлечения: одному подавай «металл» и дискотеки, другому — пластинки Шалапина.

В холле заметил оперотрядовцев. Они вели в пикет трех нетвердо державшихся на ногах девушек. Пьяных или обалдевших — «поймавших кайф» по громкогласному совету Кинчева, сказать было сложно.

В гардеробе одевалось несколько людей.

— С меня хватит, — усмехнулся в ответ на мой недоуменный вопрос рабочий Сергей Иванов. — Какие артисты — такие и поклонники. Вот выступал в Филармонии американский скрипка Менухин — народ за четверо суток о билетах заботился. По ночам отмечались. Почти все — молодые ребята. Аплодисменты на концерте были, вернее, овации. Но чтобы до такого докатиться!

В пикете было полно задержанных.

— За что притащили? —

время кончилось. Да что вы мне про институт (это уже участковому инспектору). Машинисткой там работаю. И не хочу там работать.

Уточнить ее личность решились в отделении милиции.

Женщина отложила ручку:

— Учитель 522-й школы. Преподаяю девятнадцать лет. Такого в жизни не видела. Певец ругает перестройку, вопит в зал: «Видите, милитоны сгоняют со сцены!». А дети, подростки, это же губка, они все впитывают. Мы не могли больше слушать. Ушли.

Попросив разрешения, прочитал ее заявление на имя первого секретаря обкома партии. Строчки скакали перед глазами:

«Нам, ленинградцам, очень стыдно было сегодня находиться на этом концерте. Сам ансамбль вел себя вызывающе. Певец Кинчев безобразно настроил всю аудиторию. На замечания работников МВД певец позволял оскорбления... Вся молодежь трясется, кричит, рвется на сцену... Наше мнение, не разрешать в таком городе, как Ленинград, такие ансамбли, предварительно их не просмотрев. Конечно, вот откуда такой настрой у молодежи, отношение к советским порядкам. Как можно разрешать такие концерты? Неужели под словом «демократия» протаскивают антисоветчину?..».

...Девушка настойчиво просила у старшего лейтенанта вернуть браслет с металлическими шипами:

— Покажите закон, по которому не имею права его носить?

Другая — в тельняшке — доказывала:

— Я случайно курткой сержанту в глаз заехала. Стало жарко, сдернула, и...

лодежи. Никогда не видел Алика таким растерянным.

— Представляешь. Там... Кинчев только что кричал «хайль Гитлер!».

— А зрители?

— Кто молчит, а кто — так же дергается.

— Дайте, пожалуйста, бумагу. Я хочу оставить заявление в горком партии, — прервала Сашу Алла Алексеевна Шевченко. — Я была на концерте с сыном. Что за ужас! Я плохо вижу. Так что извините за почерк. Но, думаю, разберут.

На бумагу ложились горькие слова правды:

«Мне было интересно послушать и посмотреть на группу, перед которой преклоняются школьники... Лидер группы Кинчев вел себя безобразно. Он говорил в адрес советской милиции такие слова, что слушать было стыдно... говорил, что гласность у нас это только слова и по ней надо бить. Призывал молодежь к антисоветчине... Следуя его примеру, юнцы, стоящие в первых рядах, тащили сзади курсантов из МВД за шинели, били в спины, что вызвало восторг у Кинчева. Пел песни, которые призывали ребят не ехать в Афганистан служить...».

Я и еще люди, сидящие рядом со мной, считаем, что эта группа «Алиса» — антисоветская, и ей не место на советской сцене.

Разыскав полковника Резинкина, договорился: после концерта встретимся с Кинчевым. Побеседуем: может, не так поняли его слова. Пусть объяснит. И вот отзвучали послед-

Остается задать вопрос руководителю «Ленинконцерта»: кто утверждал программу выступления «Алисы»? И еще, как случилось, что хулиганствующая группа получила в свое распоряжение одну из лучших концертных площадок Ленинграда!